

EDN: ACLMFN

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ДИНАМИКА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: К НОВОЙ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ МОДЕЛИ

А. А. Байков¹

А. Виньо¹

Н. Я. Неклюдов¹

Т. Чжан²

¹ МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76
² Пекинский университет,
100871, Китайская Народная Республика, Пекин,
район Хайдянь, ул. Ихэюань, 5

Поступила в редакцию 17.03.2025 г.
Принята к публикации 25.04.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-1
© Байков А. А., Виньо А., Неклюдов Н. Я.,
Чжан Т., 2025

Цель статьи — изучить нелинейное влияние кризисных ситуаций на политическую динамику интеграционных структур на материале четырех кейсов с опорой на теоретический, эмпирический и сравнительно-аналитический исследовательский инструментарий. Представлен новый объяснительный подход к тому, как интеграционные структуры реагируют на кризисные ситуации различной глубины и интенсивности. Постулируется, что не природа или сила кризиса, а зрелость и плотность институционального устройства интеграционного объединения, а также фактический баланс власти между уровнями управления в нем в конечном итоге определяют, будет ли организация продолжать консолидацию или начнет распадаться. Исследование, основанное на опросе 409 специально отобранных экспертов по вопросам интеграции, показывает, что сильно интегрированные союзы укрепляются в периоды кризиса, но сталкиваются с дезинтеграционным откатом после его завершения. Напротив, слабо интегрированные союзы снижают интенсивность своих связей во время кризиса, но вскоре после него быстро восстанавливают способность к сотрудничеству. Данная модель апробирована на материале четырех кейсов, отражающих влияние кризиса на Украину в 2022 г. и его последствий на интеграционную динамику ЕС (с фокусом на энергетический кризис), НАТО, БРИКС и квазиинтеграционную сеть, образующую ведущими мировыми университетами.

Ключевые слова:

кризис, интеграция, ЕС, АСЕАН, НАТО, высшее образование

Введение

Французский дипломат Жан Монне, убежденный сторонник европейской интеграции, чьи идеи легли в основу плана Шумана по объединению металлургической, железорудной и угледобывающей промышленности Франции и Германии,

Для цитирования: Байков А. А., Виньо А., Неклюдов Н. Я., Чжан Т. Интеграционная динамика в условиях кризиса: к новой интерпретативной модели // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 2. С. 4–29.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-1

известен своей вдохновляющей речью о европейской интеграции. Он прогнозировал, что процесс объединения Европы будет происходить в результате цепных реакций на кризисные ситуации [1], однако практически не учитывал потенциальный ущерб, который кризисы должны были нанести интеграционным структурам. Исторический анализ интеграционных структур в литературе демонстрирует, что в одних случаях кризис может подтолкнуть партнеров к более институционализированному сотрудничеству («еще более тесный союз»), в других же случаях кризис приводит к разрыву кооперативной ткани. Изучая этот феномен, эксперты отмечают, что реакция на кризис может зависеть от характера вызова. Так, Шиммельфенниг [2] утверждает, что если «неудачи» влекут за собой дальнейшее наращивание потенциала, то «атаки» лишь активизируют уже существующие механизмы преодоления и, следовательно, наносят больший вред интеграции. Ограничение этой точки зрения заключается в том, что большинство кризисов — это и неудачи, и атаки, поскольку эти два типа усиливают друг друга.

В настоящей статье мы проверяем гипотезу о том, что характер организации и уровень интеграции имеют большее значение для прогнозирования последствий кризиса, чем природа самого вызова или его интенсивность. Рассматривается как немедленное реагирование, так и средне- и долгосрочные последствия кризисов. В статье дается оригинальное определение интеграции — это явление, которое в специальной литературе обычно сводится к процессу, при котором соседствующие страны сознательно передают посредством ряда официальных соглашений и менее формализованных договоренностей полномочия по принятию решений наднациональной структуре. С нашей точки зрения, интеграция не обязательно должна осуществляться в наднациональном формате или происходить между географически близкими государствами. Интеграция в соответствии с нашим пониманием может быть определена как процесс развития общих институтов и правил в различных секторах акторами из разных стран, результатом которого является взаимная зависимость и преференции в сделках. Таким образом, мы рассматриваем ЕС, НАТО, БРИКС и взаимодействие между ведущими мировыми университетами в сфере высшего образования как интеграционные структуры с разным уровнем институционализации. Термины «интеграция в сфере высшего образования» и «ведущие мировые университеты» используются как взаимозаменяемые для обозначения четвертого кейса и относятся к процессам глубокого сотрудничества и внедрения общих институтов, которые создали взаимную зависимость между университетами в мире¹. Исследование фокусируется на этих четырех конкретных интеграционных структурах, но полученные выводы применимы и к другим образованиям, обладающим схожими характеристиками.

Мы применяем смешанный метод трехуровневого исследования, основанный на теоретическом, сравнительном и эмпирическом изучении явлений кризиса и интеграции. Процесс сбора данных, включающий 409 ответов экспертов на стандартизированные вопросы анкеты и их индивидуальные комментарии, позволяет получить информацию о том, как организации с разной глубиной интеграции реагируют на кризисы с течением времени. Респонденты из 83 стран были отобраны на основе уровня их экспертных знаний по одному из четырех кейсов в соответствии со строгими критериями и являются либо авторитетными учеными, либо профессиональными дипломатами. Результаты исследования показывают, что глубоко интегрированные объединения укрепляют свою власть во время кризиса, но после его окончания страдают от дезинтеграционной реакции. И наоборот, слабо интегрированные объединения демонстрируют ослабление связей во время кризи-

¹ Более подробную информацию о стандарте ведущих мировых университетах см. в [6].

са, но впоследствии быстро восстанавливают свою способность к сотрудничеству. Новизна этой точки зрения заключается в анализе воздействия кризисов в среднесрочной и долгосрочной перспективах, которые, в свою очередь, могут оказать большее влияние на структуру организации, чем немедленная реакция на кризис. Особое внимание также уделяется механизмам, лежащим в основе запоздалых последствий кризисов.

Последующая часть данного исследования состоит из четырех разделов: за обзором научной литературы по вопросам кризисов и интеграции следует решение задач исследования и метод самого исследования. Выводы, сопровождающиеся цитатами и графиками, предваряют дискуссию, которая содержит рекомендации субъектам интеграции.

Интеграция и кризис

Интеграция может принимать различные формы, что приводит к множеству определений этого термина. Однако в силу того что европейская интеграция была в центре внимания многих ученых, произошло сокращение объема самого понятия и, как следствие, возникли трудности в его применении к другим, менее глубоким формам интеграции. Исторический обзор литературы позволяет сделать некоторые теоретические выводы: определение интеграции, данное Эрнстом Хаасом в 1958 г., как «процесса, в ходе которого политические акторы в нескольких различных национальных окружениях убеждаются в необходимости сместить свои лояльность, ожидания и политическую активность в сторону нового центра, институты которого обладают или требуют юрисдикции над ранее существовавшими национальными государствами» [3], имеет преимущество в том смысле, что оно сочетает в себе как социальные, так и политические аспекты интеграции. В рамках же межправительственного подхода фокус смещается в сторону политических аспектов интеграции и создания совместных институтов. Проблематизации именно этого вопроса будет уделено основное внимание в данной работе.

Несмотря на то что поведенческие параметры не остались без внимания в этом определении, тот факт, что в фокусе находятся преимущественно институциональные аспекты интеграции, накладывает на него значительные ограничения, в результате чего не учитываются некоторые интересные кейсы. Интеграцию лучше всего рассматривать как добровольное и обратимое делегирование полномочий по принятию решений от правительств к некой коммунитарной структуре. И если неофункционалисты и межправительственники смотрят на интеграцию как на процесс, а не на как политический результат, то другие авторы, в частности специалисты по ЕС, проявляют интерес к конечной политической форме, которую может принять ЕС [4]. Эксперты, специализирующиеся на интеграции ЕС, предлагают весьма специфические аналитические взгляды на интеграцию, которые не всегда применимы к различным кейсам интеграции [5].

Изучение различных типов интеграционных тенденций и сравнительный анализ различных типов интеграции имеют практическую ценность, поскольку помогают объяснить, как могут развиваться различные организации. Неофункционалистский «перелив», описанный Хаасом, был позже применен к иным случаям интеграции в других странах мира, в частности в Латинской Америке [7]. На вопрос, приведет ли экономическая интеграция группы стран к большему политическому единству, Хаас и Шмиттер [8] отвечают отрицательно, отмечая, что ускоренная интеграция является результатом довольно редкого стечения обстоятельств, называемого «творческим кризисом», в результате которого члены группы осознают, что они лучше справляются с последствиями проблемы как группа, чем в одиночку или с другим

набором партнеров. Углубление интеграции представляется скорее исключением, чем правилом, и было отмечено, что интеграция — это процесс, который не отличается непрерывностью, может протекать в обратном направлении, и что каждый регион, в котором происходят интеграционные процессы, следует индивидуальному набору механизмов. Это означает, что не существует «теории интеграции», которая была бы универсально применима [9]. Существующие теоретические взгляды на интеграцию развивались параллельно с объединением европейских стран: оптимизм первых лет существования процесса Европейского объединения угля и стали, переросшего в Европейское экономическое сообщество, был временем бурного академического интереса к тому, как будет развиваться интеграция. Однако кризис 1960-х гг., характеризующийся сопротивлением Франции голосованию квалифицированным большинством и последовавшим за ним компромиссом 1966 г., в котором шесть членов «согласились не соглашаться», ознаменовал начало застоя в академическом сообществе. Некоторые авторы теоретизировали о торможении и даже обращении вспять интеграции, например Линдберг и Шейнгольд в исследовании «Европа должна стать государством», опубликованном в 1970 г. Сам Хаас выразил разочарование в процессе интеграции Европы, написав фундаментальную работу об «устаревании региональной интеграции» [10]. Однако разочарование от стагнации европейского проекта было недолгим и сопротивление генерала де Голля развитию интеграции за пределами межправительственных отношений закончилось с его уходом из власти. Некоторые авторы отмечают, что 1970-е гг. были не временем стагнации, а подготовкой к следующему этапу интеграции, что в то время неверно истолковали многие политики и эксперты [11]. С принятием Единого европейского акта, а затем в 1991 г. Маастрихтского договора интеграция в Европе возобновилась, а академический интерес к этой теме вновь появился [5].

Возникли различные новые теории о том, что интеграция посредством правовых средств может стать следующим шагом вперед после экономической интеграции [7]. Развитие теории интеграции было разделено на три этапа Вайнером [12], который выделяет этап «объяснения интеграции», продолжавшийся с 1960-х гг. и объяснявший причины интеграции. Второй этап «анализа управления» датируется 1980-ми гг. В это время ЕС представлялся как политическое образование и предпринималась попытка понять политические процессы, происходящие в нем, и способы функционирования регулятивной политики [12]. Третий этап «конструирования ЕС» начинается в 1990-е гг. В этот период рассматриваются последствия интеграции и универсальность интеграционного феномена. Показано, что теория интеграции эволюционирует от либеральной и реалистской перспективы (в зависимости от авторов) через подход политического анализа к социально-конструктивистской, нормативной и политэкономической перспективам [12]. Вайнер отмечает отсутствие застоя в академическом развитии теории интеграции и считает этап начиная с 1970-х гг., продуктивным с точки зрения концептуального понимания процесса интеграции.

Самые ранние идеи интеграции предшествовали европейскому проекту всего на несколько лет. Либеральные подходы к международным отношениям критиковали реалистский подход к государственному суверенитету и отмечали, что мир будет более стабильным, если транснациональные организации смогут оказывать давление на государства [13]. Основное внимание уделялось развитию глобальных форм сотрудничества, а не региональных, хотя при этом наметились сдвиги в области исследования федерализма. Изучение интеграции активно началось в 1950-х и особенно 1960-х гг., когда внимание было сосредоточено на потенциале развития наднациональных институтов в различных областях политики, «переплески-
вающихся» в другие области, что приводило к усилению наднациональных обяза-

тельств [14]. Функциональные «переплескивания» означают разработку политики в одной сфере по мере ее развития естественным образом и ее переход в другие сектора. Например, совместная экономическая политика часто приводит к разработке совместного законодательства, регулирующего экономическую практику. Политические «переплескивания» возникают в результате изменения идентичности акторов, начавших процесс интеграции, то есть чем глубже интеграция, тем выше стремление укрепить обязательства. Также были выявлены культивируемые «переплескивания», которые являются результатом стремления наднациональных институтов увеличить свою власть и расширить количество вопросов, подлежащих совместному управлению [15].

В этот период были предприняты попытки теоретизировать интеграцию, происходящую за пределами Европы, и определить черты, лежащие в основе успешных интеграционных процессов. Теория транзакционизма, разработанная Дойчем, предсказывала наступление периода интенсивных транснациональных коммуникаций, которые должны были создать высокую степень солидарности между людьми за пределами национальных границ [16]. В других исследованиях предполагалось, что правительства, не отказываясь от суверенитета, объединяются временно, а некоторые исследования утверждали, что в конечном итоге интеграция усиливает власть суверенных государств, а не уменьшает ее [17]. Моравчик придерживается государствоцентричного подхода и подчеркивает важность добровольных межгосударственных согласований в интеграционных процессах [18]. Он считает, что европейская интеграция была обусловлена не геополитическими или идеологическими факторами, а привлекательностью транзакционных выгод. Эта точка зрения отвергает идею зависимости выбранного пути от интеграции и само понятие неофункционалистского «переплескивания». Отдельное направление теоретической мысли подчеркивало, что государству брошен вызов со стороны над- и субнациональных образований и оно постепенно приходит в упадок. Розенау описывает эти изменения как «турбулентность в мировой политике» и пишет об агрегировании частей и дезагрегировании целого [19]. В исследованиях также утверждалось, что интеграционные процессы никогда не могут быть полностью подконтрольны государствам-участникам и что возврат к ситуации, существовавшей до интеграции, невозможен [20]. Наднациональные институты позволяли государствам уменьшить неопределенность, но создавали уровень зависимости, не сводимый только к отношениям межправительственного порядка.

В результате второго этапа теоретизации интеграции произошло усиление междисциплинарности и расширилось понимание функционирования европейского кейса. Исследования были сосредоточены на анализе новых институтов, которые, казалось, возникли из ниоткуда. В «анатомии института» были изучены различные уровни управления и проведено их сравнение с сетями, обладающими официальными и неофициальными векторами влияния [21]. Рагги объяснял появление и развитие ЕС тем, что возникли новые нормы и режимы, которые стали управлять международной системой в целом, что, в свою очередь, способствовало развитию регионального сотрудничества [22]. Различные наднациональные институты рассматриваются в этот период как поддерживающие друг друга, а интегрированная Европа как опора НАТО. По мере развития ЕС после 1992 г. внимание уделялось поддержанию надлежащего уровня организациями и теоретизации «демократического дефицита», а также необходимости прозрачности работы наднациональных структур, особенно Европейской комиссии [23].

Появление конструктивизма в 1990-х гг. открыло еще один путь для исследования интеграционных процессов. Фокус внимания на агентности, идентичности, нормах и социальном поведении проложил путь к новому анализу причин, лежа-

щих в основе европейского строительства [24]. Основные дебаты среди политиков и правительств о расширении и углублении обязательств в ЕС, а также о перераспределении ресурсов привели к росту научного внимания к будущему формату Европы [25]. Исследования нарушений правил ЕС странами-членами показали, что за конфликтами следуют «механизмы декомпрессии», в результате которых вырабатываются политики, позволяющие дифференцировать страны-участники [26]. Принятие сформировавшегося разнообразия и идеи интеграции, проходящей двумя или более различными темпами, возникло в качестве ответа на сопротивление некоторых членов. Политизация ЕС в 1990-е гг. привела к обновленному анализу процессов «переплескивания», а так называемая Конституция Европы 2004 г. — к более тонкому анализу механизмов управления в рамках ЕС. Критическая теория применялась при анализе интеграции, а дискурс-анализ позволил «деконструировать» концепции, лежащие в основе европейской конструкции, и выявить таким образом предубеждения и недостатки [11]. Вопрос о легитимности наднациональных образований в плане управления и принятия решений по сей день остается предметом интереса ученых [27]. Представление о том, что ЕС постоянно претерпевает изменения, используя механизмы «переплескивания», сегодня широко распространено среди политиков [28]. Недавние взгляды также критикуют идею исключительности ЕС, отмечая, что природа его суверенитета состоит в объединении национальных суверенитетов, а не в отказе от их части, и сравнивая при этом ЕС с неосредневековой империей, которая имеет сложную, многоуровневую систему власти с многочисленными дублированиями [29].

Обзор литературы показывает, что, если ранние исследования отличались некоторой гибкостью и представляли различные точки зрения на интеграцию, то более поздние были сосредоточены на развитии ЕС. Это привело к сужению определения того, что такое интеграция, а представление об «исключительности ЕС» и «нормативной силе» ЕС [30] вытеснили другие точки зрения. Возникновение конструктивизма и, в частности, представление о том, что изменения в международной политике не всегда иницируются национальными правительствами, расширяет взгляд на интеграцию, которая может быть обусловлена субнациональными акторами и не иметь географических ограничений. Интеграция может быть определена как развитие общих институтов и правил в различных секторах акторами из разных стран, приводящих к взаимозависимости. Таким образом, мы рассматриваем ЕС, НАТО, БРИКС и высшее образование как интеграционные структуры с разным уровнем институционализации.

Несмотря на то что анализ степени влияния кризисов на интеграцию в значительной степени направлен на ЕС, литература по управлению кризисами в международных организациях также позволяет сделать некоторые ценные выводы. Кризис можно определить как «срочную угрозу базовым структурам или фундаментальным ценностям [организации], которая таит в себе множество “неизвестных” и требует далеко идущих ответных мер» [31, р. 5]. Восприятие угрозы само по себе субъективно, и для того чтобы считаться кризисом, вызов должен представлять экзистенциальную угрозу для государства [31]. Если рассматривать региональную организацию, то основная угроза может быть сформулирована как риск дезинтеграции, широко описываемый как откат от общей политики, сокращение территориального охвата или авторитета общих институтов [32]. Глубина кризиса часто оценивается через интенсивность ответных мер, которые могут варьироваться от минимальных (незначительная реформа политики) до масштабных (серьезные институциональные изменения, создание коалиции для победы над государствами, бросившими вызов) [33]. Реакция организации на кризис может зависеть

от природы кризиса: внешние вызовы чаще требуют примирительного поведения и укрепления связей между членами организации, а внутренние вызовы чаще приводят к взаимным обвинениям.

Также был проведен анализ того, как триггер кризиса влияет на его результаты: «неудачи» влекут за собой дальнейшее наращивание потенциала, в то время как «атаки» лишь запускают уже существующие механизмы преодоления и оцениваются как более разрушительная для интеграции [2]. Атаки могут быть вызваны не отсутствием потенциала, а несогласием с идентичностью или ценностями организации и представляет собой преднамеренные действия, направленные на подрыв целостности организации. Большинство прошлых кризисов были при этом одновременно и провалами, и атаками, поскольку нет более продуктивного периода для нападения на политику, чем тот, когда она переживает неудачу. В некоторых случаях концептуальное различие не позволяет определить потенциальные последствия кризиса до его естественного завершения. Характер атаки, а точнее, ее внутреннее или внешнее происхождение, может быть более значимым фактором, определяющим, будет ли политика реагировать на угрозу единым образом, или подвергнется риску дезинтеграции; группы с большей вероятностью объединятся для противостояния общему внешнему противнику, чем внутреннему. В конкретной ситуации, когда вызов исходит от государства-члена, совместное решение принять примирительный подход к этому государству или проявить твердость и попытаться изолировать его играет ключевую роль в окончательном исходе кризиса и требует определения того, является ли приоритетом для организации полное или всеобъемлющее участие всех стран-членов [33].

Различие, проведенное в конструктивистских исследованиях между оспариванием валидности норм и их применением, также показывает, что кризис, ставящий под сомнение основные ценности организации, будет иметь более тяжелые последствия, чем проблемы, связанные с вопросами политики (или способами применения ценностей) [34]. Реакция на кризис также зависит от культуры организации, времени выявления кризиса и того, рассматривается ли он как экзистенциальный. При этом в качестве стратегии преодоления иногда используется отрицание [35]. Однако со временем, когда последствия вызова становятся очевидными, восприятие ситуации может быть «повышено» до уровня кризиса, что приводит к появлению поздних механизмов реагирования. В интегрированных организациях угрозы могут восприниматься как появляющиеся на уровне правительств стран-участниц, на уровне представительных органов и бюрократии организации или на обоих уровнях одновременно. Совместная оценка угроз позволяет прогнозировать угрозы более высокого уровня интенсивности, а также проводить более эффективное и скоординированное управление кризисом. Совместное признание проблемы является защитным фактором от оспаривания валидности норм, но, однако, не гарантирует меньшего оспаривания их применимости [36].

Методология и контекст анализа кейсов

Выбор кейсов

Для исследования того, как кризисы влияют на интеграцию, были выбраны четыре различные организации, причем авторы использовали новое определение интеграции, описанное в разделе 1 данной статьи. ЕС широко признан как высокоинтегрированная региональная организация, и его выбор не требует обоснования. НАТО также является глубоко интегрированной региональной организацией, хотя в ней отсутствуют традиционные географические и многосферные характеристики

ЕС. Тем не менее тот факт, что члены Альянса теснейшим образом интегрированы с точки зрения политики безопасности, практически неоспорим. БРИКС традиционно не считается интеграционной структурой, поскольку члены этой организации не делегируют ей часть своих полномочий по принятию важнейших решений. Однако они создали общие институты и правила в различных секторах, и в результате возникла взаимная зависимость. Связи характеризуются взаимодействием перед принятием важных внешнеполитических решений и общим курсом на противостояние однополярности США. Международная интеграция высших учебных заведений, которую мы также определяем как норму «университетов мирового уровня», — это микроуровень и отраслевая форма интеграции, в результате которой ее члены являются участниками общих институтов и регулирующих органов с целью развития конкурентоспособности университетов на основе общей модели. Это соответствует нашему определению интеграции, поскольку интегрированные университетские системы взаимозависимы: от борьбы за мировое признание до привлечения лучших студентов, профессоров и спонсоров, участия в глобальных рейтингах, конкуренции за лучшие деловые партнерства — университеты следуют общим правилам, регулирующим форму и содержание высшего образования. Все эти структуры затронул украинский кризис, хотя в случае ЕС особое внимание уделяется энергетическому кризису, возникшему в результате украинского кризиса.

Эти четыре случая были выбраны в соответствии с методом «наибольшего различия»: две высокоинтегрированные структуры, которые имеют мало общего (ЕС и НАТО: разный масштаб, охват, отраслевая специализация), и две структуры с низким уровнем формальной интеграции, которые радикально отличаются друг от друга (БРИКС и университеты мирового уровня: интеграция сверху вниз и снизу вверх, разный уровень информированности общественности). Выбор этих кейсов позволяет показать, что уровень интеграции важнее, чем характер организации. Выбор одного и того же кризиса для всех случаев позволяет провести более точное сравнение между случаями. Таким образом, мы проверяем, будут ли результаты схожими, если разные организации сталкиваются с воздействием одного и того же кризиса. Рисунок 1 иллюстрирует положение каждого кейса по уровню интеграции.

Рис. 1. Расположение кейсов на прямой интеграции

Сбор данных

Исследование, представленное в данной статье, основано на смешанном методе сбора данных, включающем четыре опроса, в которых приняли участие 409 экспертов в области интеграции. Цель исследования — изучая особенность восприятия текущих и прошлых событий, определить, как кризисные явления влияют на интеграционные структуры. Анализ каждого кейса проводился с помощью отдельного опроса, состоящего из специальных вопросов, выявляющих конкретное интеграционное явление и его реакцию на кризис. В опросе о ЕС и энергетическом кризисе 2022—2023 гг. приняли участие 102 респондента, в опросе о НАТО и украинском кризисе — 100, в опросе о БРИКС и украинском кризисе — 101, в опросе об университетах мирового уровня и украинском кризисе — 106. Каждый опрос содержал 9 вопросов: первый уточняет сферу деятельности респондента, следующие семь представляют собой постепенное исследование того, как кризисы влияют на ин-

теграционные механизмы, а последний предполагает возможность респондента оставить свой комментарий в свободной форме. Такая структура позволила авторам получить ответы на конкретные вопросы, представляющие интерес, и в то же время учесть мнения респондентов о причинных факторах или мнения о самом исследовании.

Вопросы для интервью по каждому опросу представлены в приложении. В работе проверяется гипотеза о том, что кризисные события по-разному влияют на интеграционные структуры в зависимости от глубины интеграции. Вопросы переходят от подтверждения общих тенденций к изучению роли акторов в организациях, а также краткосрочных и долгосрочных последствий кризисных событий. Опросы проводились с апреля по август 2024 г. среди экспертов по интеграции в ЕС (опрос 1), НАТО (опрос 2), БРИКС (опрос 3) и университетов мирового уровня (опрос 4). Респонденты являются представителями различных сфер: академическое сообщество (123 респондента), СМИ (97), энергетическая отрасль (43), институты ЕС (13), местные и национальные правительства (133). Респонденты отбирались с учетом соответствия хотя бы одному из следующих критериев:

- не менее 3 научных статей, опубликованных в журналах 1-го квартиля (рейтинг Scopus) за последние пять лет (с 2020 по 2024 г.) по темам, связанным с опросом;

- не менее 15 статей по теме опроса, опубликованных в 2023 г.;

- постоянная должность в правительстве или государственном учреждении / агентстве, играющем ключевую роль во взаимодействии с ЕС, БРИКС, НАТО или координирующем программы высшего образования.

Респонденты были отобраны таким образом, чтобы представлять широкий спектр национальностей (28) во избежание предвзятости в отношении. Такая целенаправленная выборка не претендует на статистическую репрезентативность всего населения этих стран, но призвана представить широкий спектр оценки. Результаты опроса позволили получить значимые сведения о том, как кризисы влияют на различные интеграционные структуры. Комментарии, представленные в конце опроса в свободной форме, оказались высокоинформативны, поскольку продемонстрировали то, как органы управления реагировали на кризис, как население воспринимало изменения в управлении, а также степень сомнения или уверенности респондентов при ответе на вопросы опроса. Эти качественные данные представлены в разделе «Выводы».

Контекст

Кейс I: ЕС и энергетический кризис 2022—2023 годов

Кризис 2022 г. на Украине и санкции, введенные ЕС против России, создали предпосылки для возникновения энергетического дефицита ЕС. Организация пересмотрела свое понимание энергетической безопасности, отдав предпочтение политическим соображениям перед экономическими. В 2022 и 2023 гг. произошли ускоренный переход на возобновляемые источники энергии и снижение зависимости от ископаемых видов топлива, особенно тех, которые ранее закупались в России. В период с июля по сентябрь 2022 г. экспорт российского газа в Европу сократился на 74 % по сравнению с теми же месяцами 2021 г. Если во время ковида и в предыдущие годы основное внимание уделялось расширению использования природного газа как более экологически чистой альтернативы нефти, то в 2022 г. политика ЕС сделала разворот, чтобы избежать дефицита. Более грязные виды ископаемого топлива, такие как уголь, были возвращены на рынок, основное внимание уделено ядерной энергии, СПГ, импортируемому из «дружественных стран» по высокой

цене, и возобновляемым источникам энергии. Программа REPowerEU, запущенная в 2022 г. Европейской комиссией, ставила в приоритет отказ от российского импорта и предоставляла финансирование для ускоренного развития возобновляемых источников энергии. Значительные средства также были выделены для того, чтобы помочь конечным потребителям справиться с ростом цен на энергию.

В то время как одни утверждают, что энергетический кризис ускорил переход к новой энергетике и помог Евросоюзу достичь своих целей в области чистой, независимой и партисипативной энергетики, другие подчеркивают проблему дополнительных расходов граждан и предприятий ЕС, а также многочисленные случаи «энергетической бедности», наблюдаемые по всей Европе. Экономический спад, вызванный высокими ценами на энергоносители, ощутим, поскольку доступная энергия всегда ассоциировалась с экономическим ростом и благосостоянием. Ускоренный переход к новой энергетике привел к появлению новой проблемы в структуре энергобаланса ЕС — чрезмерной зависимости от новых, но хрупких технологий, таких как ветряные электростанции и солнечная энергия, которые сами по себе уязвимы в связи с изменением климата. Влияние энергетического кризиса на общественные настроения и отношение к ЕС в странах-членах остается недостаточно изученным в научной литературе, однако резкий рост количества победивших на выборах националистических партий в 2023 и 2024 гг. показывает, что технократическое управление ЕС в сфере энергетики вызвало значительное недовольство по всей Европе.

Кейс 2: НАТО и украинский кризис

Созданная в 1949 г. 12 странами Европы и Северной Америки, НАТО возникла из пепла Второй мировой войны, в период значительной напряженности и идеологических разногласий, характерных для первых лет Холодной войны. Договор устанавливал систему и закреплял принцип коллективной обороны, в которой нападение на одного члена рассматривалось как нападение на всех. НАТО способствовала интеграции военного потенциала стран-участниц и навязывала своим членам определенный уровень политической сплоченности. Организация пережила несколько волн расширения и в настоящее время состоит из 34 членов. С вызовом своей идентичности НАТО столкнулась в результате окончания Холодной войны. После роспуска Организации Варшавского договора и распада Советского Союза НАТО из оборонительного альянса постепенно превратилась в наступательный, прилагая плохо завуалированные усилия для продвижения интересов своего лидера — Соединенных Штатов. Взяв на себя обязанности по миротворческим операциям и превратив их в мероприятия по смене режимов, борясь с терроризмом, а на самом деле часто способствуя ему, НАТО искала для себя новую идентичность. Усиление присутствия НАТО в странах Балтии и Восточной Европы привело к конфронтации с Россией, поскольку организация стала угрожать интересам безопасности Москвы и оспаривать ее региональное влияние. Попытки постоянно пересматривать роль НАТО после Второй мировой войны привели к тому, что ее действия стали расцениваться как агрессивные многими государствами в международной системе. Агрессивная позиция НАТО в украинском конфликте 2022 г. привела к кризису внутри самой организации, а не к ее консолидации перед лицом нового врага. Ряд членов НАТО стремится к миру и выступает против вооружения Украины, поскольку это лишь продлевает деструктивную конфронтацию и чревато эскалацией до полномасштабной войны между Россией и Западом с возможным применением ядерного оружия. Данный кейс демонстрирует, что дальнейшая принудительная интеграция в кризисных ситуациях не может привести к укреплению региональной организации.

Кейс 3: БРИКС и украинский кризис

БРИКС возникла как разрозненная группа стран, основной целью которой было оформление оппозиции мировому порядку, в котором доминирует Запад. Термин БРИК (в оригинале — исключая Южную Африку) был придуман Джимом О'Нилом в его рабочем документе для Goldman Sachs от 30 ноября 2001 г. и обозначает растущий экономический потенциал Бразилии, России, Индии и Китая. Первая официальная встреча БРИК была организована в 2006 г. в рамках 61-го заседания Генеральной Ассамблеи ООН, и четыре страны начали официальный политический диалог через министров иностранных дел этих стран. С тех пор встречи на уровне министров стали регулярными, и на них обсуждалось множество тем, включая здравоохранение, охрану окружающей среды, промышленность и международную политику. В 2011 г. к организации присоединилась ЮАР, и она превратилась в БРИКС. На 7-м саммите БРИКС страны создали Новый банк развития для финансирования инфраструктурных проектов и проектов развития. Банк был создан с целью уравновесить влияние институтов, возглавляемых Соединенными Штатами, таких как Всемирный банк и Международный валютный фонд. В 2024 г. БРИКС принял четырех новых членов: Египет, Эфиопию, Иран и Объединенные Арабские Эмираты. основополагающие ценности организации, такие как уважение суверенитета и принцип невмешательства, оказались привлекательными, и организация пользуется большой популярностью в Африке, Азии и Латинской Америке. Тем не менее БРИКС переживает кризис идентичности, связанный с кризисом на Украине, поскольку некоторые ее члены занимают разные политические позиции и поддерживают противоположные стороны: Бразилия изначально стояла на стороне Украины и США, Индия и Китай в основном не занимали четкой позиции, а Россия выражала свое недовольство агрессией США.

Кейс 4: университеты мирового уровня и украинский кризис

Механизмы, управлявшие глобальной интеграцией высшего образования, имели несколько форм: первая — это неформальное распространение нормы об университетах мирового уровня, когда страны по всему миру запускали программы высшего образования для повышения привлекательности и узнаваемости своих университетов во всем мире; вторая — часть первой и состоит из более формальных и институционализированных механизмов, разработанных для продвижения интеграции, таких как Болонский процесс. После Второй мировой войны Соединенные Штаты и Великобритания создали модель либеральных университетов, конкурирующих друг с другом за лучших студентов, профессоров и исследователей. То, что начиналось как национальный проект, вместе с глобализацией распространилось на другие страны, сначала на Западную Европу, затем на Китай, Россию и весь остальной мир. Большинство стран стремилось тратить значительные государственные средства, чтобы присоединиться к процессу, в котором университеты соревновались за самые высокие рейтинговые позиции, лучшие деловые партнерства, самые выдающиеся исследования и самый заметный бренд. Это привело к интеграции и частичной потере автономии и даже суверенитета, поскольку государства приняли международные и в основном западные меры для управления своей системой образования. Болонский процесс, начатый в 1998 г., является формализацией интеграции, цель которой — обеспечение сопоставимости стандартов и качества квалификаций высшего образования в 49 странах путем гармонизации управления и содержания образования и создания значительного уровня взаимозависимости. Однако процесс интеграции переживает кризис, поскольку страны осознают, что одна университетская модель не подходит для всех: недовольство академического сообщества коммерциализацией образования и пренебрежением к гуманитарным наукам сопровождалось осознанием того, что система ведет к утечке лучших студентов и преподавателей в самые высо-

кокласные, в основном западные, университеты. Содержание высшего образования оказалось направлено на достижение целей, которые не способствовали развитию экономик своих стран. Многие страны осознали, что они присоединились к системе, которая благоприятствует экономическому и культурному развитию Запада и особенно англосаксонского мира. В данном исследовании рассматривается, как украинский кризис сказался на интеграционных процессах в сфере высшего образования.

Результаты

Исследование показало, что глубоко интегрированные союзы укрепляются во время кризиса, но после его окончания с высокой вероятностью столкнутся с дезинтеграционной реакцией. И наоборот, слабо интегрированные союзы испытывают еще большее ослабление связей во время кризиса, но быстро восстанавливают свою способность к сотрудничеству. БРИКС и мировая система высшего образования представляют собой структуры с низким уровнем интеграции, в то время как НАТО и ЕС считаются высокоинтегрированными. По мнению респондентов, хотя БРИКС и международная система высшего образования реагировали на кризисные ситуации откатом назад и де-факто «пережидали» трудные времена, сосредоточившись на национальных приоритетах, в среднесрочной и долгосрочной перспективах они смогут возобновить сотрудничество со своими партнерами практически с тех же уровней, на которых они его прекратили. В этих случаях интеграция не считается нарушенной. В случае с высокоинтегрированными структурами, такими как НАТО и особенно ЕС, наблюдаются обратные тенденции: кризисные события приводят к расширению возможностей руководящих органов и углублению интеграции. Однако этот эффект, по оценкам респондентов, будет недолгим, поскольку вынужденная интеграция становится непопулярной в обществе и приводит к кризису доверия, что ставит под угрозу само выживание организаций. Краткое изложение полученных результатов содержится в таблице 1. В остальной части этого раздела результаты каждого из опросов представлены более подробно.

Таблица 1

Интеграция и кризис

Структура	Степень интеграции	Вид участия	Природа кризиса	Интенсивность кризиса	Главный актор кризиса	Краткосрочное воздействие на интеграцию	Долгосрочное воздействие на интеграцию
ЕС	Высокая	Инициативное	Энергетический	Высокая	Интегрированная идентичность	Переопределение	Противостояние
НАТО	Высокая	Инициативное	Политический	Средняя	Интегрированная идентичность	Переопределение	Противостояние
БРИКС	Низкая	Инициативное	Политический	Низкая	Государства	Откат	Углубление
Мировая система высшего образования	Средняя	Вовлеченное	Функциональный	Средняя	Государства	Откат	Углубление

Кейс 1: ЕС и энергетический кризис 2022–2023 годов

Полученные данные свидетельствуют о том, что энергетический кризис привел к повышению значимости Еврокомиссии и органов ЕС в целом: государства официально и неофициально делегируют ЕС дополнительные полномочия для совместного решения общей проблемы. Респонденты подтверждают идею о том, что ЕС «падает вперед» — явление, которое ранее описывалось в научной литературе как движитель углубления интеграции в ЕС (см. [37]). Однако дальнейшее исследование позволяет предположить, что усиление власти ЕС повышает и дефицита демократии, и недовольство населения энергетической политикой в ЕС может привести к реакции, обращенной против этой организации. На рисунке 2 представлен обзор ответов респондентов на вопросы анкеты.

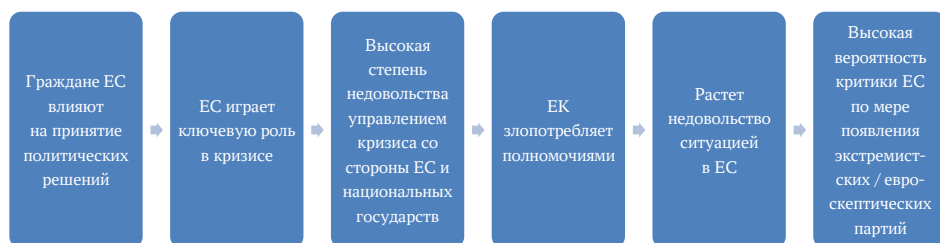

Рис. 2. Ответы на вопросы о ЕС и энергетическом кризисе

Ответы на первый вопрос демонстрируют, что граждане ЕС сохраняют определенное влияние на формирование политики ЕС, поскольку незначительное большинство респондентов (53 %) считает, что общественное отношение к интеграции в ЕС по-прежнему формирует политические решения. Этот результат представляется значимым, поскольку при отсутствии влияния населения на ЕС обратная реакция как таковая была бы маловероятна. Граждане ЕС влияют на формирование политики через Европарламент, Совет ЕС, а также через внутреннюю политику, предоставляя большую власть евроскептическим лидерам. Отвечая на второй вопрос, респонденты (59 %) подтвердили тот факт, что ЕС взял на себя ведущую роль в принятии решений по вопросам энергетики во время кризиса 2022–2024 гг. и это привело к усилению власти Еврокомиссии. Статья 194 Договора о функционировании Европейского союза гласит, что энергетика является совместной ответственностью государств-членов и самого ЕС, при этом государства-члены определяют условия добычи своих природных ресурсов, выбирают виды энергии и решают структуру энергоснабжения, а ЕС контролирует функционирование энергетического рынка, содействует энергетической безопасности, энергоэффективности и продвижению возобновляемых источников энергии (Энергетическая политика ЕС 2024). Однако важность вопросов, решаемых на уровне ЕС, возросла, поскольку «зеленый» переход от ископаемого топлива активно продвигается сверху.

Отвечая на вопрос о том, насколько успешно ЕС справляется с недавними энергетическими проблемами, 61 % респондентов выразили недовольство ростом энергетической бедности и управлением энергетическим кризисом со стороны ЕС. Некоторые комментарии, оставленные респондентами в свободной форме, свидетельствуют о разрыве между оптимистичными оценками ЕС и реальным положением дел на местах: по оценкам, 9,2 % граждан ЕС испытывают тот или иной уровень энергетической бедности¹. Они также отмечают, что решение о сокращении исполь-

¹ Energy poverty in the EU, 2022, *EU Parliament*, URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733583/EPRS_BRI\(2022\)733583_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733583/EPRS_BRI(2022)733583_EN.pdf) (дата обращения: 11.11.2024).

зования ископаемого топлива было принято слишком быстро, чтобы обеспечить энергетическую безопасность. Комментарии также выражают критику Комиссии ЕС, подчеркивая ее отдаленность от народа, и отмечают, что Европейская комиссия принимает решения, сидя в «башне из слоновой кости». Растет недовольство как ЕС, так и правительствами стран-членов. На вопрос о том, привел ли энергетический кризис к росту недовольства ЕС и росту национализма в странах-членах, 61 % респондентов ответили «да», только 23 % ответили «нет», а 17 % не определились. Полученные результаты показывают, что энергетический кризис снизил общее одобрение ЕС и стал катализатором роста националистических настроений. ЕС не единственный источник недовольства населения, поскольку респонденты также считают, что национальные правительства ответственны за некоторые последствия энергетического кризиса 2022 г., что может привести к потрясениям и в национальной политике.

Ответы на последний закрытый вопрос предполагают, что ЕС, скорее всего, столкнется с обратной реакцией населения, вызванной дополнительными полномочиями, которые он взял на себя, чтобы справиться с энергетическим кризисом. То, что ЕС столкнется с откатом власти, которую он приобрел во время энергетического кризиса, считают 63 % участников, 21 % полагают, что последствия будут длительными, а 17 % не определились с ответом. Один из респондентов отметил, что внешние кризисы, такие как энергетический, могут привести к внутренним кризисам внутри ЕС с отсрочкой от нескольких лет до нескольких десятилетий. Несколько респондентов назвали Brexit отложенным следствием побочного процесса, возникшего в результате урегулирования миграционного кризиса. Считается, что нынешний энергетический кризис может повлечь за собой аналогичную обратную реакцию. По мере того как Комиссия усиливает свое влияние, недовольство населения укрепляет влияние евроскептических партий, которые могут выступить за выход из союза.

Кейс 2: НАТО и украинский кризис

Результаты исследования показывают, что в 1990-х гг. у НАТО не была сформирована миссия и ей недоставало чувства единства, а перспектива расширения была единственной движущей силой этой организации. Воссоединение Крыма и Севастополя с Россией в 2014 г. и продолжающийся кризис на Украине придали НАТО энергию, дав новую цель и объединив ее членов против общей угрозы, которую олицетворяет Россия. Организация усилила свою мощь и расширила военное присутствие во всем мире, особенно в Восточной Европе, развернув с 2022 г. военную инфраструктуру в Болгарии, Венгрии, Румынии и Словакии. Это расширение не сопровождалось ростом доверия населения к НАТО, и респонденты отмечают растущий уровень скепсиса в отношении организации и ее способности содействовать миру. Первые признаки обратной реакции на последствия кризиса уже ощутимы. На рисунке 3 представлен обзор ответов респондентов на вопросы опроса.

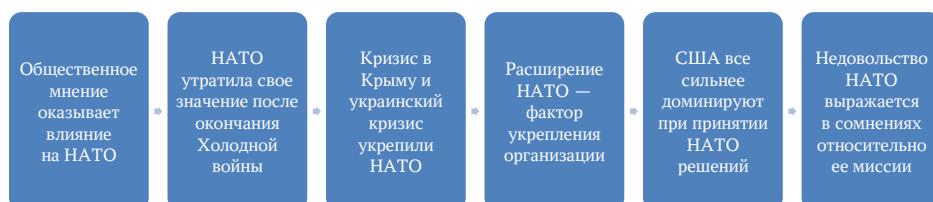

Рис. 3. Ответы на вопросы о НАТО и украинском кризисе

Первый вопрос помогает установить тот факт, что общественное мнение в странах — членах НАТО влияет на принятие решений и институциональные структуры организации, включая членство стран. То, что общественное мнение оказывает влияние на НАТО, считают 56 % респондентов. Этот результат очень важен, поскольку обуславливает возможность общественного недовольства оказывать какое-либо влияние на организацию. Респонденты также в подавляющем большинстве согласны с тем, что НАТО в 2000-х гг. утратила свое значение. Один из респондентов отметил, что в то время НАТО как оборонительный альянс и гарант безопасности для Европы казалась избыточной организацией. Операции НАТО в бывшей Югославии, Косово и Ливии были отмечены противоречивыми оценками объема полномочий и их реализации. Заметное усиление России на международной арене и ситуация с Крымом в 2014 г. привели к возрождению НАТО. То, что события 2014 г. сплотили членов НАТО, отметили 72 % респондентов, и только 28 % считают, что они их разделили. Специальная военная операция России привела к четкой формулировке новой миссии НАТО: Стратегическая концепция НАТО¹, принятая в 2022 г., гласит, что Россия является наиболее значительной и прямой угрозой безопасности союзников, а также миру и стабильности в Евро-Атлантическом регионе. Определение четкого врага позволило НАТО расширить свою деятельность и временно повысить свой авторитет: 44 % респондентов отметили, что после начала специальной военной операции НАТО восстановила свою миссию и стала еще более интегрированной, 22 % указали, что ее миссия осталась неизменной с 2014 г., а 34 % — что это внесло раскол среди ее членов. Респонденты сходятся во мнении, что влияние НАТО в период с 2014 по 2022 г. выросло до беспрецедентного уровня со времен окончания Холодной войны. Расширение НАТО также считается фактором, способствующим единству в НАТО (78 % респондентов), при этом Финляндия и Швеция отказались от своей давней политики несовместимости.

За последнее десятилетие изменился и способ управления НАТО: все более воинственные США играют ведущую роль в процессе принятия решений в организации. Отвечая на вопрос о том, изменился ли центр принятия решений в НАТО с 2010-х гг., 47 % респондентов сказали, что США имеют большое значение для Альянса, а 34 % отметили незначительные изменения, сказав, что США всегда доминировали в организации. Важно отметить, что 68 % респондентов указали на рост недовольства политикой НАТО по сравнению с десятилетней давностью. В одном из комментариев подчеркивается, что нынешние шаги НАТО весьма противоречивы и что «нет всеобщего стремления к увеличению присутствия Альянса в Восточной Европе и еще меньше поддержки вступления Украины в Альянс». Участие НАТО в делах Украины рассматривается как шаг некоторых политических лидеров к расширению размеров организации и повестки дня, однако общественное мнение не считает, что финансирование Украины должно привести к более масштабным изменениям Альянса. Поддержка НАТО стала уменьшаться по мере того, как стали очевидны некоторые побочные «переплескивающиеся» эффекты ее усиления: увеличение числа происшествий во время военных учений, повышенная милитаризация Балтийского и Черноморского регионов, резкий рост военных расходов, постепенный переход от оборонительной к наступательной доктрине — все это привело к возрастанию общественного беспокойства по поводу НАТО. Низкий уровень поддержки НАТО подтверждается опросами: в июле 2023 г. доверие к

¹ NATO's Strategic Concept, 2022, NATO, URL: <https://www.nato.int/strategic-concept> (дата обращения: 11.11.2025).

НАТО упало до 30 %¹. Вступление Дональда Трампа в 2025 г. в должность президента США представляет собой дополнительный фактор, угрожающий НАТО, которой и так уже выражают недоверие обычные граждане. Как и в случае с ЕС и энергетическим кризисом, расширение полномочий НАТО вызвало недовольство населения, и, по прогнозам, в результате ускоренного распространения кризиса возникнет обратная «переплескиванию» реакция.

Кейс 3: БРИКС и украинский кризис

Результаты исследования свидетельствуют о том, что БРИКС, будучи слабо интегрированной организацией, в краткосрочной перспективе пострадал от последствий украинского кризиса, поскольку поддержка изначально была распределена между странами, находящимися на стороне России, и теми, кто предпочитает присоединиться к гегемону США. Примечательно, что вместо того, чтобы вызвать явные разногласия, украинский кризис заставил каждого члена организации (кроме России, которая была непосредственно вовлечена в него) сделать шаг назад и «переждать» время повышенной политической напряженности. Такое поведение соответствует ранее принятому в БРИКС принципу избегания спорных тем (см. [38]). Кризис не привел к «переплескиванию», и БРИКС не стал спешить с формулированием общих внешнеполитических заявлений. Развитие экономического сотрудничества, особенно между Китаем, Индией и Россией, показывает, что усилия США по изоляции России не увенчались успехом. Бразилия присоединилась к Западу, проголосовав в 2022 г. за осуждение России на Генеральной Ассамблее ООН². Каждая страна отдавала предпочтение собственным интересам, делала шаг назад от политического сотрудничества, но оно возобновилось в 2023 г. в рамках организации. На рисунке 4 представлен обзор ответов респондентов на вопросы анкеты о БРИКС и украинском кризисе.

Рис. 4. Ответы на вопросы о БРИКС и украинском кризисе

Ответы на первый вопрос по содержанию подтверждают, что БРИКС можно считать интеграционной структурой (68 %), что свидетельствует о том, что среди экспертов принято более широкое определение интеграции. Делегирование суверенитета не выступает неперенным условием интеграции, 53 % респондентов даже отмечают, что БРИКС также имеет потенциал стать региональным интеграционным блоком, что отражает снижение значимости географических границ для сотрудничества между государствами. Один из респондентов отметил: «Этот вопрос

¹ Economou, A., Kollias, Ch. 2023, In NATO We Trust(?): The Russian Invasion of Ukraine and EU27 Citizens' Trust in NATO, *De Gruyter*, URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/peps-2023-0029/html> (дата обращения: 11.11.2024).

² Brazil votes to condemn Russia, 2022, *Government of Brazil*, URL: <https://www.gov.br/en/government-of-brazil/latest-news/2022> (дата обращения: 11.11.2024).

в каком-то смысле представляет собой вопрос с подвохом: в настоящее время понятие “региональный” является настолько абстрактным, что может включать страны, находящиеся очень далеко друг от друга и потенциально в разных регионах. О региональной интеграции как таковой мы еще не говорим». В ходе исследования роли Китая в БРИКС была предпринята попытка определить, представляет ли относительная экономическая мощь страны угрозу для БРИКС как интеграционной структуры. Из опрошенных 40 % отмечают, что Китай имеет больший вес, чем другие страны, в принятии решений в организации благодаря своему экономическому влиянию, 34 % выражают обеспокоенность тем, что китайская мощь является средством запугивания других партнеров и может помешать интеграции БРИКС, 24 % подчеркивают, что Китай не относится к другим государствам как к равным. Главной угрозой для БРИКС респонденты считают дисбаланс между различными членами организации в экономической и военной мощи. При этом один из респондентов отметил: «БРИКС как структура основана на уважении и равновесии сил в переговорах суверенных государств, поэтому размер не должен иметь значения. Когда Россия расширила сотрудничество с Северной Кореей, изменив баланс сил в отношениях Китая со своим союзником, Китай принял эту ситуацию и даже заметил, что не его дело комментировать двусторонние отношения между двумя суверенными государствами».

Экспертные оценки влияния украинского кризиса на БРИКС показывают, что кризис временно ослабил организацию. То, что в результате кризиса солидарность внутри БРИКС снизилась, считают 65 % респондентов, 22 % — что кризис не оказал влияния, а 13 % — что помог консолидировать организацию. Результаты опроса также свидетельствуют о том, что некоторые страны БРИКС встали на сторону Запада, осудив Россию в начале специальной военной операции. Считают, что единой реакции не было вообще 25 % респондентов, а 17 % полагают, что имела место общая демонстрация поддержки России. В данном вопросе мы анализируем скорее восприятие, чем факты, поскольку они влияют на будущий интеграционный потенциал. В то время как Бразилия выразила несогласие с действиями России в Совете Безопасности ООН, другие страны воздержались от оценок. Даже Бразилия проявила сдержанность, как отмечается в одном из комментариев: «Бразилия осудила Россию, но вскоре после этого она также раскритиковала Запад за вооружение Украины и затягивание кризиса. Она также отклонила просьбы о введении санкций против России». Эксперты в своих ответах подчеркивают отсутствие единства во мнении и в целом нежелание предпринимать какие-либо шаги против России. Один из респондентов заметил: «Запад поднимает шум в СМИ, спешит воспользоваться возможностью назвать это концом БРИКС, но на самом деле страны просто замолчали и переключили свое внимание на другие вопросы, экономические и социальные».

Результаты опроса показывают, что внутри БРИКС произошел сдвиг, в основном в пользу Китая (57 % респондентов). Россия воспринимается как страна, доказавшая свою военную мощь, стойкость и способность противостоять Западу, но при этом переживающая непростые времена в экономическом плане. Несмотря на то что Китай в некоторых исследованиях представляется потенциальной угрозой для БРИКС, 83 % респондентов считают, что БРИКС сохранит свою актуальность в ближайшем будущем, поскольку миру нужна надежная организация, способная противостоять гегемонии США (36 %), а также потому, что существует потенциал более широкого сотрудничества (48 %).

Опрос показывает, что в краткосрочной перспективе на БРИКС негативно повлиял кризис на Украине и не произошло никакого «переплескивания». Однако ор-

ганизация сохранила потенциал для будущей интеграции, и в среднесрочной и долгосрочной перспективах не ожидается обратной реакции против БРИКС, поскольку отношение к организации как у граждан, так и у экспертов остается позитивным.

Кейс 4: университеты мирового уровня и украинский кризис

Университеты по всему миру разрабатывают общие образовательные программы и управленческие модели, чтобы конкурировать между собой на глобальном уровне, а развитие университетов мирового класса часто представляется как фактор диверсифицированного и динамичного экономического роста. Болонский процесс — это механизм трансрегиональной интеграции, который привел к стандартизации систем высшего образования в странах ЕС и у его соседей. Менее формализованная норма «университеты мирового уровня» объединяет все больше университетов из большего числа стран, стремящихся к превосходству в рейтингах и привлечению лучших студентов, профессоров и деловых партнеров. В исследовании оценивается влияние украинского кризиса на механизмы глобальной интеграции в сфере высшего образования. Результаты показывают, что идеологическая напряженность и санкции, вызванные кризисом, оказали давление на потенциал и желание некоторых стран глобально интегрировать свои университеты. При этом потенциал дальнейшей интеграции все еще является высоким, несмотря на механизмы противостояния, поскольку экономические выгоды перевешивают политические риски. Рисунок 5 иллюстрирует реакцию на этот случай.

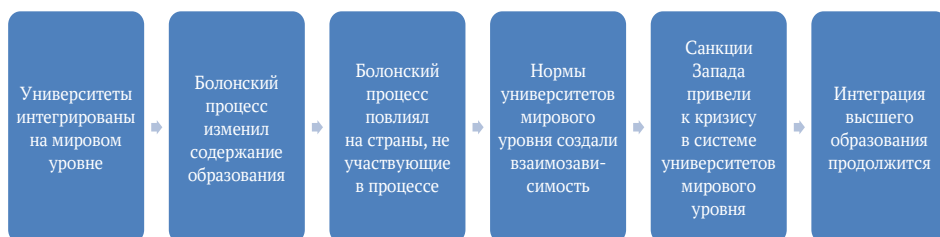

Рис. 5. Ответы на вопросы об университетах мирового уровня и украинском кризисе

Первый вопрос был направлен на сбор экспертных мнений об уровне интеграции университетов по всему миру. Из опрошенных 72 % отметили, что либо между университетами наблюдалось тесное международное сотрудничество, при котором совместные образовательные программы и исследования определяли идентичность этих университетов (46 %), либо университеты были глубоко интегрированы, поскольку их показатели зависели от показателей совместных организаций и они конкурировали за студентов и преподавателей на мировом уровне (26 %). В одном из комментариев было приведено такое различие: «Далеко не все университеты в стране являются университетами мирового класса, но ведущие университеты стремятся к этому статусу, а остальные часто следуют этому образцу, даже если у них мало перспектив стать мировыми лидерами». Болонский процесс, который представляет собой основную формализованную поднорму, регулирующую интеграцию в сфере высшего образования, по мнению респондентов, оказал значительное влияние на страны-участницы и эффект «переплескивания» на другие страны возник независимо от того, ассоциируют они себя с этим процессом каким-либо формальным образом или нет. Респонденты отметили, что Болонский процесс изменил в первую очередь административную модель университетов (26 %), содержание обучения (47 %), то, как проводятся исследования (17 %), и только 23 % указали, что он

существенно не повлиял ни на что из вышеперечисленного. На вопрос о том, как он оказал воздействие на страны, не участвующие в процессе, 26 % респондентов ответили, что не оказал, в то время как другие считают, что он либо отразился на понимании того, что является составляющей хорошего университета, либо непосредственно привел к изменениям в организационной и образовательной модели их университетов.

Несмотря на то что складывание нормы университетов мирового уровня — это в значительной степени всеобъемлющий и менее формализованный процесс, тем не менее он привел к значительным изменениям в системах высшего образования по всему миру на фоне глобализации и обострения экономической конкуренции. Из 48 % респондентов признали, что модель университетов мирового уровня, которую продвигал Всемирный банк как решение, помогающее развивающимся странам стать более экономически конкурентоспособными, оказала на них определенное влияние; 28 % отметили значительную роль этой модели, поскольку все университеты мира стремятся подражать ведущим университетам; 24 % не видят значительного влияния. Один из респондентов резюмировал свою точку зрения следующим образом: «Высшее образование превратилось в конкурентный рынок, где университеты оказывают услуги. Вопрос не в том, хотят ли государства, чтобы их университеты участвовали в этой конкуренции или нет, выбор невелик, поскольку изоляция ведет к потере компетентности и в конечном счете к утечке мозгов за границу». На вопрос о том, выгодно ли установление нормы университетов мирового уровня в первую очередь Западу, 59 % ответили отрицательно, 41 % — положительно, что отражает тот факт, что доминирование Запада в интернационализации высшего образования вызывает постоянную озабоченность более чем у трети респондентов. Один из комментариев отражает сложность этого вопроса: «Университеты мирового уровня появились на Западе. Изначально США устанавливали правила, и не все они справедливы. Но тот факт, что в этот процесс вовлечено огромное количество стран, привел к изменениям, которые Запад уже не контролирует».

Украинский кризис существенно повлиял на интеграцию университетов, показав реальность этого неформального процесса для незападных участников. После введения западных санкций против России российская система высшего образования, насчитывавшая десяток ведущих мировых университетов, оказалась в изоляции, поскольку университеты-партнеры разорвали связи и ввели ограничения на мобильность, что усложнило приезд иностранных студентов из некоторых стран мира для учебы в Россию. Мнения о причинах и обстоятельствах, приведших к уходу России с мировой арены высшего образования, разделились: 19 % респондентов отметили, что российские университеты были исключены принудительным образом, 33 % — что университеты ушли по собственному желанию, 33 % — что они ушли, потому что в их интересах было покинуть глобализованную систему образования после кризиса, а 26 % — что российские университеты не ушли в полной мере, поскольку дезинтеграция — это гораздо более длительный процесс, и рейтинги российских университетов по-прежнему во многом определяются за счет их международного взаимодействия в течение последних двадцати лет. Несмотря на эти разногласия между экспертами, несколько респондентов отметили новую тенденцию: российский опыт отказа стал уроком для Китая, Индии и других стран, которые начали оспаривать западную модель и стремятся развивать университеты мирового уровня на своих собственных условиях, отдавая приоритет национальным языкам, традициям, ценностям и культуре. Краткосрочный кризис в мировом высшем образовании привел к сокращению интеграционных механизмов. Однако взаимодействие в сфере высшего образования остается интеграционным процессом с многообещающими перспективами в будущем. По-прежнему считают, что

международное сотрудничество — это ключ к совершенствованию высшего образования, и что интеграция в настоящее время переориентируется в сторону продвижения действительно глобальных, а не западных ценностей, 67 % респондентов.

Обсуждение

В данной статье предлагается новое определение (и концептуализация) понятия «интеграция», которое значительно расширяет его объем и повышает прогностическую способность исследований этого феномена, что приближает эту академическую область к современным реалиям. Особое внимание уделяется тому факту, что интеграция — это процесс, который прежде всего культивирует преференциальность и, следовательно, взаимную зависимость, а не только и не столько возможность делегирования полномочий по принятию решений (ошибочно называемую в научной литературе «суверенитетом»). Такой подход позволяет рассматривать через одну и ту же сравнительно-аналитическую призму различные институциональные механизмы, которые традиционно считаются совершенно разными по своей природе и, соответственно, несопоставимыми (например, НАТО и университеты мирового уровня). Мы также демонстрируем, что формировать интеграционные процессы и участвовать в них могут не только правительства, но и единицы разных уровней анализа (в том числе субнациональные). Взаимная зависимость не требует делегирования полномочий, поэтому для совместной интеграции не всегда нужна правительственная печать одобрения. Кроме того, интеграция не требует сотрудничества и создания взаимной зависимости в более чем одной сфере. Страны могут интегрироваться в ограниченных сферах, даже очень узких (например, высшее образование, спорт, безопасность в аэропортах).

Одним словом, интеграция проявляется в разных формах, может исходить снизу или быть правительственной инициативой, охватывать широкие или узкие группы участников и быть многоотраслевой или отраслевой.

Мы также предлагаем новую аналитическую схему для объяснения того, как кризисные события влияют на интеграционные процессы, и показываем, что характер кризиса менее важен для определения конечных результатов, чем характер институциональной архитектуры интеграции. На рисунке 6 представлено отображение теоретического вклада данного исследования, иллюстрирующего, что страны с низким уровнем интеграции ослабляют свое сотрудничество во время кризиса, но затем быстро возобновляют проведение общей политики; страны с более высоким уровнем интеграции углубляют свое сотрудничество и расширяют полномочия наднациональных институтов во время кризиса, но впоследствии сталкиваются с серьезными проблемами, чреватými дезинтеграцией.

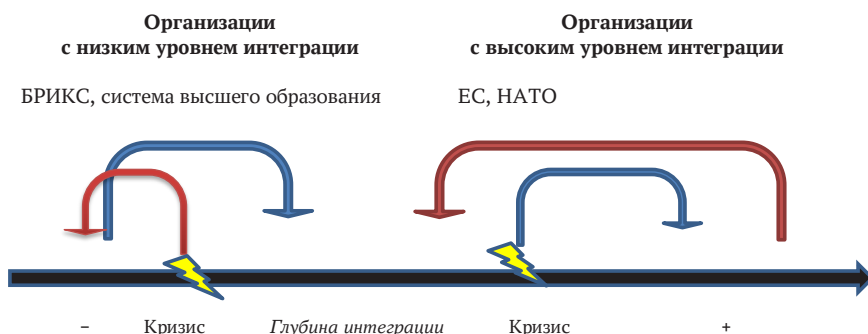

Рис. 6. Модели реакции на кризис в зависимости от типа интеграции

Эти выводы ставят под сомнение значительную часть исследований о механизмах, применяемых в ЕС для управления интеграционными процессами, демонстрируя, что эти механизмы на самом деле могут быть губительными для интеграционных процессов и что их применение для разрешения кризиса приводит к большей политизации и обратной реакции, в результате чего для возникают новые угрозы существования организации (например, Brexit как результат расширения прав и возможностей ЕС в вопросах миграции, возможные последствия управления энергетикой ЕС, идущего вразрез с интересами государств). Последующие научные исследования должны быть направлены на изучение факторов, определяющих успех интеграционных проектов, и наиболее продуктивных механизмов преодоления кризиса для интеграционных структур. Каждый кризис, с которым сталкивается ЕС, заслуживает нового анализа с изучением долгосрочных последствий процесса «переплескивания» или «сужения» интеграционного поля. Коренные причины крупных кризисов ЕС следует анализировать в свете политических реакций на прошлые кризисные события, а не сосредоточиваться исключительно на внешних факторах. Необходимо оценить, насколько далеко может зайти процесс «отката» в организации, которая быстро интегрировалась в результате кризиса, а также изучить факторы, повышающие вероятность «отката».

Исследования также должны быть сфокусированы на процессе разрушения интегративных структур в попытке сформулировать адаптированные решения для организаций, отживших свой век. Самовозрастающая бюрократия и страх перед переменами могут привести к тому, что интегративные структуры выйдут из-под контроля в попытке найти новую формулировку своей миссии. Роль НАТО в ликвидации предпосылок кризиса на Украине является значимой. Структуры с более низким уровнем интеграции следует анализировать с точки зрения информированности: в какой степени правительства и население осознают, что происходит интеграция. Если в БРИКС, инициативе идущей «сверху вниз», правительствам трудно заинтересовать население в сотрудничестве на низовом уровне и приходится прибегать к государственной политике и инструментам «мягкой силы» для борьбы с его безразличием, то в высшем образовании в некоторых случаях именно правительствам сложно понять и регулировать эти процессы, приходится постфактум часто прибегать к смягчающим мерам.

Эти выводы позволяют сформулировать новые рекомендации субъектам интеграции.

Во-первых, попытки ускорить интеграцию могут оказаться губительными, поскольку они рискуют снизить уровень поддержки региональной организации со стороны населения. Медленные темпы интеграции позволяют задействовать механизмы адаптации и избежать «угрызений совести у покупателя». Процесс, в ходе которого организация пересматривает распределение власти между суб- и наднациональными структурами, более сбалансирован, если он не происходит в период кризиса.

Во-вторых, перспективными в долгосрочной перспективе могут оказаться именно те модели интеграции, которые позволяют странам сознательно принимать или не принимать каждое решение. Гибкость снижает уровень недовольства, а добровольное участие помогает избежать внутренних конфликтов, в том числе необходимости наказывать «плохих учеников». Не существует прямых доказательств того, что гибкие подходы могут ограничивать возможность стран углублять свои обязательства.

В-третьих, делегирование государством полномочий коммунитарной структуре должно развиваться параллельно с поддержкой этого начинания населением, чтобы обеспечить плавный и длящийся переход к интеграции.

Выводы

В статье предлагается новый взгляд на степень влияния кризисов на различные интеграционные структуры. На основе четырех конкретных кейсов раскрываются различные механизмы преодоления кризисов, используемые каждым типом организаций. Авторы формулируют более широкую, чем традиционно представлено в научной литературе, концепцию интеграции, что позволяет сделать оригинальные эвристические выводы. Результаты исследования показывают, что делегирование полномочий (квазисуверенитет) не всегда носит инициативный характер (например, как в случае БРИКС или системы высшего образования) или происходит по обоюдному согласию (например, механизмы «переплескивания» в ЕС, НАТО), но государства всегда могут забрать свое и обычно делают это во время кризиса (наименее интегрированные организации) или после кризиса (более интегрированные организации). Качественное исследование, основанное на опросе 409 специально отобранных экспертов по вопросам интеграции, показывает, что глубоко интегрированные организации укрепляются во время кризиса, однако испытывают дезинтеграционную реакцию после его окончания. И наоборот, у слабо интегрированных организаций происходит ослабление связей во время кризиса, но вскоре после этого восстанавливаются способность к дальнейшему сотрудничеству.

Список литературы / References

1. Mayne, R. 1967, *The Role of Jean Monnet, Government and Opposition*, vol. 2, № 3, p. 349—371, <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.1967.tb01172.x>
2. Schimmelfennig, F. 2024, Crisis and polity formation in the European Union, *Journal of European Public Policy*, vol. 31, № 10, p. 3396—3420, <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2313107>
3. Haas, E. B. 1958, *The Uniting of Europe* Stanford: Stanford Univ. Press, URL: <https://www.europarl.europa.eu/100books/file/EN-H-BW-0038-The-uniting-of-Europe.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).
4. Bellamy, R., Castiglione, D. 2013, Three models of democracy, political community and representation in the EU, *Journal of European Public Policy*, vol. 20, № 2, p. 206—223, <https://doi.org/10.1080/13501763.2013.746118>
5. Ruggie, J. G., Katzenstein, P. J., Keohane, R. O., Schmitter, P. C. 2005, Transformations in world politics: The intellectual contributions of Ernst B. Haas, *Annual Review of Political Science*, № 8, p. 271—296, <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.8.082103.104843>
6. Crowley-Vigneau, A., Kalyuzhnova, Y., Baykov, A. 2023, World-class universities in Russia: a contested norm and its implementation, *Journal of Studies in International Education*, vol. 27, № 3, p. 539—556, <https://doi.org/10.1177/10283153221105322>
7. Cappelletti, M., Secombe, M., Weiler, J. H. 1986, Integration Through Law: Europe and the American Federal Experience. A General Introduction, in: *Integration Through Law, Volume 1: Methods, Tools and Institutions, Book 1: A Political, Legal and Economic Overview*, <https://doi.org/10.1515/9783110921540.3>
8. Haas, E. B., Schmitter, P. C. 1964, Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections About Unity in Latin America, *International Organization*, vol. 18, № 4, p. 705—737, <https://doi.org/10.1017/S0020818300025297>
9. Haas, E. B. 1961, International integration: the European and the universal process, *International Organization*, vol. 15, № 3, p. 366—392, <https://doi.org/10.1017/S0020818300002198>
10. Haas, E. B. 1975, The obsolescence of regional integration theory, Berkeley, Institute of International Studies, University of California, URL: <https://catalogue.nla.gov.au/catalog/2293615> (дата обращения: 11.11.2024).

11. Caporaso, J. 1998, Regional integration theory: understanding our past and anticipating our future, *Journal of European Public Policy*, vol. 5, № 1, p. 1—16, <https://doi.org/10.1080/13501768880000011>
12. Wiener, A. 2019, *European integration theory*, Oxford University Press.
13. Mitrany, D. 1943, *A Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization*, London, Royal Institute of International Affairs, New York, Toronto, Bombay, Melbourne, Cape Town, Oxford University Press. Post-War Problems, URL: <https://academic.oup.com/ia/article-abstract/20/1/109/2707131?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 11.11.2024).
14. Lemley, M. A., Frischmann, B. M. 2007, Spillovers, *Columbia Law Review*, vol. 107 (257), URL: <https://ssrn.com/abstract=898881> (дата обращения: 11.11.2024).
15. Hussler, C. 2004, Culture and knowledge spillovers in Europe: new perspectives for innovation and convergence policies?, *Economics of Innovation and New Technology*, vol. 13, № 6, p. 523—541, <https://doi.org/10.1080/1043859042000234302>
16. Cutchin, M. P., Dickie, V. A. 2012, Transactionalism: Occupational Science and the Pragmatic Attitude, *Occupational Science: Society, Inclusion, Participation*, p. 21—37, <https://doi.org/10.1002/9781118281581.ch3>
17. Milward, A. S. 2006, History, political science and European integration, *Handbook of European Union Politics*, p. 99—103, <https://doi.org/10.4135/9781848607903.n31>
18. Moravcsik, A. 2005, Sequencing and path dependence in European integration. In *Conference on "Sequencing of Regional Economic Integration: Issues in the Breadth and Depth of Economic Integration in the Americas"*, Mendoza College of Business, Notre Dame, p. 9—10, URL: https://www.academia.edu/99674796/Sequencing_and_path_dependence_in_European_integration (дата обращения: 11.11.2024).
19. Rosenau, J. N. 1966, Turbulence in World Politics, *History*, vol. 7, № 2, p. 279—292.
20. North, D. C. 1990, A Transaction Cost Theory of Politics, *Journal of theoretical politics*, vol. 2, № 4, p. 355—367. EDN: JOCFGD, <https://doi.org/10.1177/0951692890002004001>
21. Ruggie, J. G. 1992, Multilateralism: the anatomy of an institution, *International Organization*, vol. 46, № 3, p. 561—598. EDN: BLMWRV, <https://doi.org/10.1017/S0020818300027831>
22. Ruggie, J. G. 1997, Consolidating the European pillar: The key to NATO's future, *Washington Quarterly*, vol. 20, № 1, p. 109—124. EDN: HKQAZV, <https://doi.org/10.1080/01636609709550232>
23. Jensen, T. 2009, The Democratic Deficit of the European Union, *Living Reviews in Democracy*, 1, URL: https://cis.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/cis-dam/CIS_DAM_2015/WorkingPapers/Living_Reviews_Democracy/Jensen.pdf (дата обращения: 11.11.2024).
24. Checkel, J. T. 2007, Constructivism and EU politics. In: *Handbook of European Union Politics*, London, p. 57—76, URL: https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9781446206492_A24010407/preview-9781446206492_A24010407.pdf (дата обращения: 11.11.2024).
25. Entin, M. L., Entina, E. G., Voynikov, V. V. 2022, New principles of resource distribution in the EU and their impact on the countries of the Baltic region, *Baltic Region*, vol. 14, № 1, p. 122—137. EDN: EQONRB, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-8>
26. Havlík, V., Hloušek, V. 2023, Breaching the EU governance by decompression, *Journal of European Integration*, vol. 46, № 3, p. 279—296, <https://doi.org/10.1080/07036337.2023.2276286>
27. Schmidt, V. A. 2020, *Europe's crisis of legitimacy: Governing by rules and ruling by numbers in the eurozone*, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1093/oso/9780198797050.001.0001>
28. van Meurs, W., de Bruin, R., van de Grift, L., Hoetink, C., van Leeuwen, K., Reijnen, C. 2018, *The Unfinished History of European Integration*, Amsterdam University Press, <https://doi.org/10.1515/9789048540198>
29. Dymova, L., Baykov, A. 2016, European Integration from Theoretical Perspective, *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 14, № 2, p. 217—220, <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.2.45/17>

30. Savorskaya, E. 2015, The concept of the European Union's normative power, *Baltic Region*, № 4, p. 66—76. EDN: YIXDBP, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-4-5>
31. Boin, A., t'Hart, P., Stern, E., Sundelius, B. 2016, *The politics of crisis management: Public leadership under pressure*, 2nd ed., Cambridge University Press, <https://doi.org/10.1017/9781316339756>
32. Webber, D. 2014, How likely is it that the European Union will disintegrate? A critical analysis of competing theoretical perspectives, *European Journal of International Relations*, vol. 20, № 2, p. 341—365, <https://doi.org/10.1177/1354066112461286>
33. Hirschmann, G. 2023, Crisis management in international organisations: the League of Nations' response to early challenges, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 37, № 5, p. 573—591, <https://doi.org/10.1080/09557571.2023.2271984>
34. Deitelhoff, N., Zimmermann, L. 2020, Things we lost in the fire: How different types of contestation affect the robustness of international norms, *International studies review*, vol. 22, № 1, p. 51—76, <https://doi.org/10.1093/isr/viy080>
35. Duchek, S. 2020, Organizational resilience: a capability-based conceptualization, *Business Research*, vol. 13, № 1, p. 215—246. EDN: SCACCY, <https://doi.org/10.1007/s40685-019-0085-7>
36. Barnett, M. N., Finnemore, M. 1999, The Politics, Power, and Pathologies of International Organizations, *International organization*, vol. 53, № 4, p. 699—732. EDN: DBSTUN, <https://doi.org/10.1162/002081899551048>
37. Jones, E., Daniel Kelemen, R., Meunier, S. 2021, Failing forward? Crises and patterns of European integration, *Journal of European Public Policy*, vol. 28, № 10, p. 1519—1536. EDN: OGVYBT, <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1954068>
38. Crowley-Vigneau, A., Baykov, A., Gao, A. 2024, Diplomats on BRICS: Drawbacks and benefits of cooperation without integration, *Terra Economicus*, vol. 22, № 2, p. 124—137. EDN: DXLMQN, <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-2-124-137>

Об авторах

Андрей Анатольевич Байков, доцент, кандидат политических наук, проректор по научной работе, МГИМО МИД России.

<https://orcid.org/0000-0003-0432-4603>

E-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru

Анн Виньо, доцент, кандидат политических наук (МГИМО-Университет), PhD (University of Reading), доцент факультета международных отношений, МГИМО МИД России.

<https://orcid.org/0000-0001-7466-2451>

E-mail: vigneau.a@my.mgimo.ru

Никита Яковлевич Неклюдов, кандидат политических наук, заместитель декана факультета международных отношений, МГИМО МИД России, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-1240-4339>

E-mail: neklyudov.n.ya@my.mgimo.ru

Тинхао Чжан, аспирант, факультет международных отношений, Пекинский университет, КНР.

<https://orcid.org/0009-0000-9793-0703>

E-mail: zhangtinghao@pku.edu.cn

INTEGRATION IN CRISIS: TOWARDS A NEW EXPLICATIVE MODEL

A. A. Baykov¹

A. C. Crowley-Vigneau¹

N. Ya. Neklyudov¹

T. Zhang²

¹ MGIMO University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

² Peking University,
5, Yiheyuan Road, Haidian District, Beijing
100871, People's Republic of China

Received 17 March 2025

Accepted 25 April 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-1

© Baykov, A. A., Crowley-Vigneau, A. C.,
Neklyudov, N. Ya., Zhang, T., 2025

The goal of this study is to investigate the non-linear impact of crises on integrative structures through theoretical, empirical, and comparative analysis of four cases. This paper proposes a novel explanatory model of how integrative structures respond to various crisis junctures. The authors test the hypothesis that it is not the nature or intensity of the crisis, but rather the maturity and depth of integrative groupings' institutional arrangements — along with the actual balance of power between governance levels— that ultimately determine whether the organization consolidates further or begins to disintegrate. Based on a survey of 409 specifically selected experts on integration, the study reveals that strongly integrated unions tend to strengthen during crises but often experience disintegrative backlash once the crisis subsides. Conversely, weakly integrated unions tend to loosen their ties during crises but regain their capacity for cooperation shortly thereafter. This model is explored through four case studies that consider how the 2022 and ongoing Ukraine conflict affected the EU (with a special focus on the energy crisis), NATO, BRICS and a quasi-integrated network of world-class universities. The findings show that policy responses to crises should be specifically calibrated to the integration model that the organisation follows.

Keywords:

crisis, integration, EU, ASEAN, NATO, higher education

The authors

Dr Andrey A. Baykov, Vice-Rector for Research, MGIMO University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-0432-4603>

E-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru

Dr Anne Crowley-Vigneau, Associate Professor, MGIMO University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-7466-2451>

E-mail: vigneau.a@my.mgimo.ru

Dr Nikita Ya. Neklyudov, Associate Professor, MGIMO University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-1240-4339>

E-mail: neklyudov.n.ya@my.mgimo.ru

To cite this article: Baykov, A. A., Crowley-Vigneau, A. C., Neklyudov, N. Ya., Zhang, T. 2025, Integration in crisis: towards a new explicative model, *Baltic Region*, vol. 17, № 2, p. 4–29. doi: 10.5922/2079-8555-2025-2-1

Zhang Tinghao, PhD Student, Peking University, China.

<https://orcid.org/0009-0000-9793-0703>

E-mail: zhangtinghao@pku.edu.cn

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)